

Сцена 1

Бар «Старая индейка» начал свою жизнь далеко не в центре города. Но город рос от океана дальше в глубь побережья, и, как наступающая армия, охватывал старый бар со всех сторон. Вокруг него пролагались улицы, строились дома. У бара менялись владельцы. Теперешний хозяин, купив бар, взял и перенес его на первый этаж нового каменного здания, которым также владел. Перенес в основном элементы интерьера: тяжелую, потемневшую от времени барную стойку из дерева неизвестной породы, элементы обшивки стен, да старинную вывеску с изображением той самой старой индейки, которая, не смотря на приставку «старая» выглядела еще хоть куда. Сам же сарайчик, в котором раньше располагался бар разобрал на дрова, а землю, что была под баром снова продал, да еще и заработал на этом.

По улице, на которой стоял бар, проложили рельсы и запустили конку. Но время двигалось так быстро, что не прошло и несколько лет, как конку сменил трамвай, который теперь двигали не лошадки, а непонятно откуда появившееся таинственное электричество.

Эд, многолетний хозяин стойки бара «Старая индейка», хоть и не понимал, за счет чего движется трамвай, но замену конки одобрял. Уж больно трудно было тащить лошадакам вагончик по холмам Сан-Франциско. Прошедшее время поменяло и посетителей бара. Теперь это были не простые работяги с рынка или каменоломен, а опрятные работники близлежащих магазинов, шумливые журналисты и вполне солидные банковские клерки.

Вошедшего в бар мужчину Эд уже знал. Но даже, если бы и не знал, он бы не принял его за работника магазина, журналиста или даже за банковского служащего. Этот мужчина был немолод и бородат. Выше среднего, широкоплечий. На нем был темно серый, изрядно помятый костюм, а воротничок явно напрашивался на отправку в прачечную. В этом окружении совершенно неуместно выглядела заколка с явно драгоценным темным камнем, сверху вниз прокалывающая галстук.

Мужчина забрался на стул у стойки и кивнул бармену:

– Налей мне на два пальца, Эд.

Потом заметил порвавшийся шнурок на крепких, но далеко не новых ботинках. С кряхтением слез со стула и как-то завязал концы шнурка, сильно его укротив.

Когда он снова оказался на стуле, перед ним был небольшой стакан с янтарной жидкостью.

– Ваша Индейка, сэр. И ..., – бармен замолк, дожидаясь пока бородатый мужчина выпьет свою порцию виски. – И хозяин просил передать, что это последняя выпивка в кредит.

Бородатый мужчина не спеша вытер несвежим платком усы и бороду.

– У тебя хороший хозяин, – сказал он и собрался уходить.

Ни мужчина, ни бармен, занятые разговором, не заметили, как сзади к мужчине подошел другой посетитель бара и с размаху опустил полупустую бутылку на голову бородача.

– Ты что творишь, ублюдок?! – закричал бармен.

Это последнее, что слышал бородатый мужчина, перед тем как погрузиться в темноту.

Сцена 2

Кто-то мотал перед моим лицом ярким фонарем. Вправо-влево, вправо-влево. Голова раскалывалась от боли. Во рту была какая-то кислотина, какая бывает, когда вас только что стошнило. А еще этот фонарь, из-за которого боль и тошнота накатывали высокими волнами. «Этот долбаный фонащик, наверное, хочет до меня докричаться, типа «Эй, вы там! Есть кто живой? ».

Я попробовал стереть с губ остатки рвоты. Рука была вялой и непослушной, а на лице обнаружили усы и густая борода.

– О, ожил! – Кто-то радостно воскликнул. – Сиди тихо Британец. Я уже заканчиваю.

Поскольку про глаза ничего не сказали я решил их приоткрыть. Оказалось, то, что я принял за фонарь, были двери бара. Посетители заходили и выходили из бара, двери болтались вперед и назад, солнечные блики в стеклах дверей метались по всему помещению и попадали мне в глаза.

– Да, Британец, вот где твое слабое место! – Кто-то стоящий за моей спиной, продолжал разговаривать со мной, упорно называя меня «британцем». – Большому Бизону надо было бить тебя по затылку, а он все в нос, да в нос. Так ты и перебежал его тогда по раундам.

– Ты кто? – хрипло спросил я. – Надеюсь не Харон?

– О, уже шутишь. Значит выкарабкаешься, как всегда. – Говорящий выплыл из-за моей спины. На Харона он явно не походил. Небольшого роста, круглое бритое лицо, очечьки...

С его появлением передо мной окружающая картинка стала проявляться, и я увидел, что сижу за столом, а псевдо-Харон собирает какой-то свой инструмент в саквояж стоящий на столе.

– Ну, что вспомнил? – спросил псевдо-Харон и не дожидаясь моего ответа добавил. – Я – Док, Стив Уолш. Я латал вас после боев в шестьдесят пятом. Нос, уши, брови, то да се...

– Док?

– Ну, вот, вспомнил! В общем у меня для тебя есть две новости. Плохая. Бутылка, которой тебя шмякнули, разбилась и пропоролла кожу до самой кости. Почти, как твои друзья индейцы, когда снимают скальп.

Его слова про скальп почему-то вызвали у меня внутри волну недовольства и злости. Наверное, все это отразилось на моем лице.

– Молчу, молчу. – Он постарался быстро сменить тему. – А хорошая новость в том, что в бутылке было полно какого-то крепкого пойла, которое отлично промыла разрез. Я его заштопал и думаю, что ты выберешься.

– И все?

– А что еще? Ну, можешь зайти в аптеку к Фрицу. Он натолок мела, обозвал его каким заумным словом и хочет впаривать нам честным докторам по два бакса за пузырек. Нашел дураков! Кстати про баксы. С тебя три бакса, Британец.

И снова эта волна поверх головной боли и тошноты. В этот раз недоверие, злость. Много просит?

– Один, Док. На промывку ты не потратился. Только на нитки.

На удивленное и одновременно обиженное круглое лицо псевдо-Харона было приятно смотреть.

– Британец, с каких пор ты стал торговаться? Ты же почти британский лорд, твою мать, а не какой-нибудь ливанский еврей.

– Ты плохо знаешь британских лордов, – сказал я. – Торговля – это наш национальный спорт.

Кураж от торговли немного добавил мне здоровья. Я еще немного поторговался с Доком, и он ушел, унеся в «клюве» две мятые долларовые бумажки, которые нашлись у меня в кармане брюк.

Док ушел, а двери-фонари снова всколыхнули головную боль и тошноту. Эти ощущения полностью поглощали меня и мешали думать. Я знал, что мне надо что-то вспомнить, что-то очень важное. Но как только я мыслями подбирался к этому чему-то важному, волны боли и тошноты отбрасывали меня назад.

– Сэр, вы сами сможет дойти до дому?

Передо мной стоял пожилой мужчина с мощными густыми усами. Жилетка и полотенце на руке, выдавали в нем работника данного питейного заведения.

– Да, смогу.

В моем ответе было все неправильно, но что именно снова заслонила подкатившая к горлу дурнота. Думать совершенно не хотелось.

– Это от заведения, сэр. – Бармен, скорее всего, это был именно бармен, протянул мне бутылку, упрятанную в бумажный пакет. – Ублюдок оказался шустрым. Мы не смогли его поймать.

Я встал и пошатываясь вышел из бара. Свежий ветер на мгновение отогнал дурноту, но этого хватило, чтобы наконец я понял, что не знаю, где теперь мой дом. Что не знаю, откуда взялись эти допотопные трамвай и повозки, вся эта массовка из старомодно одетых мужчин и женщин. Меня стала охватывать паника. Совладать с собой мне помогли, как ни странно, мои уже почти старые друзья – головная боль и тошнота, а земля закачалась подо мной. «Ладно, » – подумал я. – «С этой массовой разберемся потом. А сейчас надо понять, что делать с раной на голове».

Я вспомнил, как Док вытирал руки от крови какой-то грязной тряпкой. «Этот псевдо-Харон вполне мог ковыряться в ране невымытыми руками. Надо дойти до аптеки, как его там, Фрица и посмотреть, что за порошок он предлагает».

Сцена 3

Проехал трамвай. Затем пара конных повозок. Одна была запряжена красивой, серой в яблоках лошадкой, а управлял ею мужчина в котелке. Это у них, типа, «легковая». Навстречу ей гораздо медленнее прошла, закрытая со всех сторон, повозка. Явно тяжело груженная. Какие-то чемоданы стояли даже у ног возничего, а саму повозку тянула пара крупных лошадей.

– Вам нужна помощь, мистер? – Это ко мне обратился полицейский. Он уже успел отпустить девчонку, которой минуту назад что-то внушал. Дорогу, что ли не там перешла? Вряд ли. Вон парень чешет напрямую через трамвайные пути.

– Нет, спасибо. Не нужна. – Это уже я. Подальше от полиции. Подальше. Вдруг спросит регистрацию. – Хотя, ... подскажите, где мне найти аптеку Фрица?

– Вот там, на углу. – Он указал своей дубинкой вдоль трамвайных путей, вглубь домов. – И ... у него хорошие примочки.

Рогаткой пальцев он коснулся своих глаз, а потом указал ими в мою сторону. И пошел дальше куда-то по своим полицейским делам.

Ну, да. Сейчас у меня под глазами наливаются два огромных синяка. Такая вот физиология. Бьют по затылку, а синяки под глазами.

Ну, что? Двинули? А вы можете начинать смеяться. Это ведь шоу. Не ниже первого канала. Больно декорации крутые. Обхохочетесь. А мне все равно. Мне на вас на...рать. Но вот дочь с внуком наверняка тоже смотрят. Внук вряд ли что понимает, маленький еще, а вот дочь переживать будет. Так что ведем себя достойно. Как же болтает! Ну, ничего. Голодный волк в обморок не падает. Это голодный волк. А как насчет волка с сотрясением мозга? Будем считать, что и с сотрясением мозга волк тоже в обморок не падает. А я волк? Да, я – волк, еще какой волк!

Так я и двигался, подбадривая себя. Прошел булочную, еще пару каких-то лавок. Почти прошел парикмахерскую с гордым именем "Барбершоп "У Джорджа", где скучал пожилой мастер, но вернулся назад. В окне парикмахерской отражался крепкий мужчина, выше среднего, и я подумал, что впервые вижу себя. Смешно? Можете опять хохотать. У меня были длинные, до плеч черные курчавые волосы, густая борода и усы. Волосы блестели и, скорее всего, из-за того, что были жирными, а значит грязными. С этим надо было что-то делать. И я шагнул в барбершоп.

- Привет, Джордж, – сходу заявил я.
- Старичок отложил газету, которую читал.
- Чем могу помочь, мистер?
- Постричься и побриться, – сказал я и снял котелок.
- О! – только и смог сказать старичок.

Кровь успела пропитать волосы вокруг раны и засохнуть. Все это, наверное, выглядело неважно.

- А вы точно уверены, что вам надо ко мне, а не в больницу?
- Я там уже был, Мастер, – решил я немного подлизаться. – Они меня заштопали, но, когда я попросил их постричь меня, они сказали, что мне надо к вам.
- Ну, что же садитесь, но вам, с учетом всего этого, – он помотал руками над своей головой. – Будет стоять подороже.

- Все состричь и все сбрить. Это сколько?

Старичок пошамкал губами:

- Доллар.

– Стригите, – согласился я и уселся в единственное кресло в этом барбершопе. – Получите полтора, если мне все понравится.

Старичок крутился вокруг меня, щелкая своими ножницами, а меня снова словно окутал какой-то туман.

- Ну, вот готово!

Я выплыл из тумана и взглянул в зеркало. Было бы смешно, не будь так грустно. Старичок добросовестно сбрил мне бороду и усы, а на голове сделал мне ирокез. Волосы на самой ране он верно побоялся трогать, но вот вокруг все, как я и просил его, было сбрито. Ладно одену котелок, и никто не увидит.

Я протянул ему бутылку, врученную мне барменом.

- Полейте на болячку, мастер и ... сами может глотнуть.

Старичок не отказался ни от первого, ни от второго.

Вручив Джорджу мятый доллар и монетку в пятьдесят центов, я покинул барбершоп.

Безбородое и безусое лицо приятно охлаждал ветерок. «И обожгли мне щеки холодной острой бритвой восходящие потоки», – почему-то пришло в голову.

Сцена 4

Помещение аптеки Фрица было не больше барбершопа Джорджа, но гораздо опрятней. В комнате была еще одна дверь, которая, наверное, вела в лабораторию, где взглядам посторонних не место. А лестница слева вела куда-то вверх. Скорее всего, там было жилище самого Фрица.

Одет аптекарь был безукоризненно. Жилетка, брюки в коричневых тонах, белоснежная рубашка. Лысину Фрица обрамляли седые, коротко подстриженные волосы. Недостаток растительности на голове компенсировала седая борода, как у голландских моряков, то есть без усов.

Аптекарь стоял ко мне спиной и что-то переставлял в многочисленных шкафчиках со стеклянными дверцами, занимавшими всю заднюю стену комнаты.

- Добрый день, Фриц, – начал бодро я, но попытка оказалась неудачной.

– Герр Циммерман, с вашего позволения. – Аптекарь повернулся. Из-за очков на меня смотрели строгие глаза.

– Но..., – я указал на надпись на стеклянной витрине, на которой было написано «Fritz's drugstore».

Аптекарь только поморщился.

– Что вам угодно молодой человек?

– Я хотел бы услышать рассказ о вашем порошке из толченого мела.

Эта попытка разговорить Фрица была еще менее удачной. Аптекарь побелел, потом покраснел, а его голос сорвался в фальцет.

– Вон!

Вместо того чтобы последовать совету разъяренного аптекаря, я тяжело опустился на стул, стоящий у прилавка, и приложился к бутылке, которую все так с собой и таскал.

– Здесь нельзя пить! Я вызову полицию!

– Вызывайте! А я скажу, что это вы мне продали, – устало сказал я и снял котелок.

– О!

Не знаю, что произвело на Фрица большее впечатление: моя прическа ирокез или рана, грубо заштопанная Доком.

– Так вам нужен сульфаниламид? – смягчился аптекарь. Любому ученому нравится, когда его изобретение востребовано.

– И да, и нет, герр Циммерман, – наконец я смог перейти к делу. – Я хочу спасти ваше изобретение, которое некоторые врачи, сами знаете, как именуют.

Второй раз упоминать толченый мел я не рискнул.

– Неучи. Я предоставил им все доказательства. А они ... Но чем вы можете мне помочь?

– У меня есть план, но я хотел бы, чтобы сначала вы мне рассказали о своем изобретении.

Фриц замялся, явно не зная с чего начать. Я решил помочь ему.

– Вы исследовали анилиновые красители?

Откуда я это знаю? У нас в школе была хорошая химичка. Именно она рассказала нам, что зеленка была изначально не средством заживления наших ссадин, а красителем. И что синьку, которую моя мама немного добавляла при кипячении белого белья, применяли для лечения малярии.

– Да, верно! Вы тоже химик? – обрадовался Фриц.

– В некотором роде, – я не стал развивать эту тему.

Самостоятельно я мог провести только два химических опыта. Капал глицерин в марганцовку, это – раз. И в завинчивающийся пузырек из-под чернил с карбидом заливал воду, это – два. В первом опыте все классно горело, во втором – взрывалось.

– Итак, какой краситель вы использовали?

– Протозил. Им окрашивают ткани в красный цвет. Но я пошел дальше. Я выделил из него сульфаниламид. Он отлично убивает стрептококки и многие другие микробы. С его помощью можно быстро вылечить бронхит, пневмонию, ангину, скарлатину и даже, я думаю, гонорею ...

– Но вам никто не верит, – прервал я его. Моя рана начала дергать, а меня самого – немного знобить.

Я же поверил Фрицу. Он, скорее всего, создал препарат, который потом назовут стрептоцидом. Мне нужен был этот порошок. С его помощью я быстрее оклемаюсь, но я хотел еще заработать немного денег, так как мои карманы были почти пусты.

– Именно так. Но вокруг меня одни неучи, – обречено сказал аптекарь и тут же спохватился. – Я, конечно же, не имею в виду вас. А что с вами произошло? Отчего такая ужасная рана?

– Я упал с лестницы.

– О!

Мы немного помолчали, а потом я решил взять быка за рога.

– Герр Циммерман, вы же не хотите спустить свое изобретение в унитаз?

- Куда?
- В ватер-клозет.
- А, понял. Конечно же, нет.
- Тогда вот мой план. Вы залечиваете мою рану. Мы рассказываем всем о результате.

Все бросаются покупать ваш порошок.

- Не получится. Я уже вылечил серьезную инфекцию у моего сына, но никто не поверил.
- Потому что это ваш сын. Они могли подумать, что вы сговорились.
- А вам поверят?
- Да, я стороннее лицо, и к тому же я английский лорд.
- Вы – английский лорд? А как вас зовут?

Вот незадача, я не знаю, как меня зовут. Чтобы потянуть время я снова приложился к бутылке.

- Спросите у Стива Уолша, – я сделал еще глоток. – Да, спросите у кого угодно!

Виски помогло. Как тогда в баре, меня накрыла волна, только теперь это было не недоверие или злость, а тепло и грусть. Энтони де Клер. Я вдруг понял, что меня зовут Энтони де Клер.

- Меня зовут лорд Энтони де Клер, – заявил я, чувствуя себя последним мошенником. Фриц как-то странно посмотрел на меня.

– Вы знаете, мистер Деклер, я вам верю. Это местные аборигены совсем отторгли такие понятия, как честь и достоинство. Но мы то, жители Старого света, еще помним их. К тому же, я вижу, что вам плохо, а в такие моменты легко увидеть, лжет человек или говорит правду.

– Я рад, что вы мне поверили. – Это была моя маленькая победа. И главное, ведь я почти ни в чем не погрешил против истины.

- Но, что мне надо делать?
- Во-первых, больше нет никакого сульфаниламида. Есть стрептоцид!
- Что?! Убийца стрептококков. Боже мой, почему я сам не догадался!
- Понравилось?
- Да, очень!

– Тогда самое время оговорить финансовые вопросы. Я хочу за свою помощь 100 долларов.

- Но это много!
- Ваше изобретение не стоит 100 долларов?
- Конечно, стоит!

– Ничего оно не стоит, так как его никто не покупает. Но будет стоить миллионы, после того как выполнится мой план.

- Миллионы? Вы думаете?

– Уверен. Предложите излечение писающему человеку, который болен гонореей, и он отдаст вам миллион, если он, конечно, у него есть. Тем более 100 долларов вы отдадите мне не сразу. Сегодня – 20 долларов, все остальное в течение месяца с начала продаж.

- И вы не боитесь, что я вас обману?

И снова волна. Теперь уверенность и ... смерть, если я правильно понял нахлынувшие эмоции.

– Я мог бы сказать, что это местные аборигены совсем отторгли такие понятия, как честь и достоинство. Но мы, жители Старого света, еще помним их. Но я так не скажу.

- Почему?
- Потому что клятвопреступников убивают.

Фриц ошарашенно уставился на меня.

- Но я уверен, что до этого не дойдет.

– Согласен. Что я должен делать? – Было видно, что Фриц решился и готов сражаться за свое детище.

Вместо ответа я протянул руку.

Фриц засуетился, достал портмоне, а из портмоне достал две десятки, которые вскоре оказались в моем кармане.

– Теперь идите за фотографом.

Я поднял руку, чтобы остановить вопросы Фрица.

– Он сделает фотографии моей раны сейчас, потом через день после использования стрептоцида, потом еще через день... В общем пока рана не заживет. Из этих фото вы делаете выставку в вашей прекрасной аптеке. Запасаетесь несколькими бутылками виски и приглашаете на выставку докторов вашего прекрасного города.

– Стива Уолша я не приглашу!

– Правильно! И цена на стрептоцид для него будет повышенная.

Фриц посмотрел на меня почти с обожанием.

– Тогда я пошел за фотографом. А вы ...?

– Я подожду вас здесь.

Фриц что-то хотел сказать, потом передумал, накинул на себя коричневый пиджак и отправился за фотографом.

Я глотнул из бутылки и под звуки, поворачивающегося в замочной скважине ключа, задремал.

Сцена 5

Маленькая мансардная комната была по-своему уютна и функциональна. Умывальник типа «мойдодыр» – слева от входной двери, у стены напротив – железная кровать, стол со стулом. Мансардное окно, как часть крыши, было удобно тем, что через нее проникало достаточно лунного света, чтобы можно было передвигаться по комнате, не рискуя удариться головой о низкий потолок или перевернуть «ночную вазу».

Я лежал поверх заправленной кровати. Разобрать ее у меня уже не было сил. Пришел, снял брюки, под которыми обнаружил серые кальсоны с завязками, положил на подушку полотенце, с облегчением вытянулся на кровати и провалился в сон.

По ощущениям я проспал несколько часов, а проснулся от холода. Вспомнил о пальто, которое видел висящим на крючке на двери. Пришлось вставать. Полотенце на подушке оказалось мокрым то ли от гноя, то ли от сукровицы, вытекающей из моей болячки на голове. В темноте не разобрать. Взял носовой платок. Обильно смочил его виски и, упершись одной рукой в раковину «мойдодыра», другой рукой стал осторожно очищать платком рану на голове. Потом достал пузырек со стрептоцидом, который мне вручил Фриц, и стал, не торопясь, по щепотке, посыпать его на очищенную рану. Посидел немного на стуле. Подивился полной тишине на улице, от которой давно отвык. Убрал мокрое полотенце с подушки и снова вытянулся на кровати, накрывшись, оказавшись тяжелым, пальто. Но в этот раз сон не шел.

Как все прошло у Фрица, я помнил смутно. Фотограф, притаивший с собой здоровенную деревянную коробку-фотоаппарат и треногу, фотографировал. Я ему что-то советовал, а Фриц на это только усмехался. Потом все как-то резко закончилось, и я обнаружил себя стоящим снова на улице рядом с аптекой Фрица.

И снова надо было думать, куда идти. Где могла быть «берлога» Энтони де Клера? Он же вышел выпить. Вряд ли он пошел бы за этой надобностью куда-то далеко.

– Эй, – окликнул я мальчишку, который катил мимо меня ржавый обруч от большой бочки. Чтобы обруч не падал, мальчишка время от времени подбивал его палкой.

От моего окрика мальчишка остановился, а обруч упал.

– Что желаете, мистер? – Как настоящий американец, он сразу перешел к делу.

– Ты меня знаешь, парень?

– Конечно, мистер. Вы тот англичанин, который уже два дня живет у фрау Бергман.

– Вот и отлично. Я что-то устал, парень. Доведи меня до дому. Получишь никель.

Мальчишка, как-то странно посмотрел на меня, но потом нагло заявил:

– Маловато, мистер. Надо бы добавить.

– Как хочешь, – я сделал вид, что оглядываюсь по сторонам в поисках другого кандидата в кормчие.

– Всегда готов, мистер, – мальчишка подлетел ко мне, взял за руку и отвел к крыльцу, стоящего напротив дома. «Упс, » – подумал я.

Мальчишка уже стоял с протянутой рукой, в которую я положил пять центов. Поскольку это резко подняло степень доверия между нами, то я уже, не стесняясь, спросил его:

– И где здесь я живу?

Взгляд мальчишки ясно говорил, что он думает о моих умственных способностях. Но еще пять центов сделали свое дело.

– Фрау Бергман сдает комнату в мансарде, мистер. Она специально там ее оборудовала. Всего хорошего.

Мальчишка убежал, не забыв прихватить свое колесо.

Из кармана пальто, которым я укрылся, что-то выскользнуло и гулко ударилось об пол. Кровать была невысокой, и я опустил руку и стал шарить по полу, собираясь найти там, как минимум, кошелек с золотыми. Но рука сначала наткнулась на что-то пушистое, а потом я почувствовал холодный металл.

Я поднес находку поближе к глазам. Это был нож с прямым толстым лезвием, мощной рукояткой, которая заканчивалась пушистым хвостом какого-то зверька типа белки. Спрятав руки вместе с ножом под пальто, я снова уставился в темноту и задал вопрос, как будто было кому.

– Это ведь не шоу? Это ведь навсегда?

Дикая волна отчаянья и безнадеги накатила на меня, и я удержался от слез только благодаря тому, что снова провалился в сон.

Сцена 6

(за несколько месяцев до ранее рассказанных событий)

В усадьбе Элтонфорд было три здания. Не считать же зданием усадьбы уютный, но небольшой коттедж, в котором жила семья управляющего. Из этих трех зданий только одно можно было считать обитаемым. И то – с большой натяжкой. Обитателем этого здания – старой усадьбы Диспенсеров был старик, который отринул от себя настоящее, а если бы кому-то в голову пришло прийти к нему, чтобы поговорить о будущем, то он сначала бы рассмеялся, а потом бы сильно разозлился.

Старика звали лорд Хью Диспенсер и сейчас он шел от усыпальницы своей жены Эвелин по тропинке к этому старому зданию. Путь к усыпальнице и обратно лорд Диспенсер совершал каждое утро. Дорога давалась тяжело. Больные колени и скрюченная спина делали его походку, по влажным от утренней росы камням, неуверенной и шаткой. И крепкая трость, на которую он упирался, мало в чем могла ему помочь. Но лорд, казалось бы, не замечал этих трудностей. В его голове, как отблески далекой грозы, мелькали видения. Каждый раз и только на этой тропинке. «Почему они приходят только, когда я возвращаюсь от Эвелин? » – думал Диспенсер. – «Почему только этот бал в загородном доме герцога Портлендского? » Ведь после этого была их красивая свадьба, несколько лет счастливой семейной жизни?

Масса других вопросов привычно появлялись в мозгу старика, но он их тут же забывал, так как бывал поглощен, встававшими перед ним и почти тут же исчезающими картинками. Много было на этих картинках, но лорд ловил своим внутренним взглядом только одно – юную Эвелин стоящую на краю зала, танцующую Эвелин, улыбающуюся Эвелин, ... его Эвелин.

Диспенсер старался удержать похищенную у него смертью любимую женщину. И даже заказал ее бюст известному скульптору.

Что тот и сделал. Холодный, белый мрамор точно копировал молодую Эвелин уже ставшую миледи Диспенсер. Но жизни в ней не было. Может быть из-за глаз? Глаза у бюста, как и у всех других скульптур, были белые и без зрачков. словно Эвелин ослепла и закрыла глаза, чтобы никто не видел ее ничего не видящих глаз. Тогда Диспенсер и допустил ошибку. Он поручил скульптору сделать у бюста настоящие глаза. Как на картинах. Все его предки гордо взирали с полотен на стенах Элтонфорда обычными зрячими глазами. Скульптур вернулся через несколько дней, установил на стол перед Диспенсером бюст и, не торопясь, убрал с него красную толстую ткань.

На крик лорда сбежали все находящиеся в доме слуги и, ничего не понимая, уставились на своего лорда, который с перекошенным лицом, хватая открытым ртом воздух, пытался что-то сказать и на бледного, как тот же мрамор, скульптура. Гэрانت, управляющий первым подбежал к хозяину, взял его под руки и усадил в кресло. А затем взглянул на то, от чего не мог оторвать взгляд сам лорд. У бюста появились глаза и вроде бы были даже похожи, но на белом мраморе они смотрелись хоть и красиво, но ужасно. Они словно выныривали откуда-то из далека. Гэрانت вдруг понял из какого далека смотрят на него эти глаза и тут же перекрестился.

– Пусть уберет, пусть уберет, – только и смог вымолвить лорд и лишился чувств.

Сцена 7

Скульптор убрал нарисованные глаза. Бюст занял свое место на небольшом фортепьяно и смотрел на мир обычными для скульптур гладкими белками глаз. Но с того дня здоровье лорда стало ухудшаться. То одно, то другое. Постепенно его круг общения сузился до Гэранта. Жил лорд в старой усадьбе, а наружу выходил он только по утрам, чтобы дойти по усыпальницы Эвелин и вернуться обратно.

Сейчас Гэрانت вернулся из Лондона и ждал лорда у дверей здания старой усадьбы. Он молча открыл перед хозяином дверь, зашел вслед за ним и замер в ожидании, когда лорд захочет с ним говорить.

В то время как голова Дисперсера была занята одним, его тело жило своей жизнью. Диспенсер сам не заметил, как расположился в кресле у разожженного слугами камина и вытянул к огню ноги.

Светлая гостиная с хорошо подобранной мебелью в бежевых тонах никак не соответствовала ни одеянию, ни настроению старого лорда. Просто все осталось так, как 30 лет назад задумала и воплотила Эвелин. «Когда же Эвелин первый раз посетила Элтонфорд? Кажется, там была целая толпа. Ее тетушки и племянники». Диспенсер опасался, что вид неухоженного старого замка не понравится Эвелин. Но получилось все наоборот. Эвелин восторгалась и прудом, в который превратился ров вокруг усадьбы, и уцелевшими башнями, и тем более башнями разрушенными, и зарослями одичавших рододендронов, азалий и роз, которые густо разрослись вокруг.

А уж после того, как она стала полноправной хозяйкой замка, она развернулась на полную. «Хью ты не представляешь, как жутко приходится проводить дни английской леди!» – говорила она. – «Утром целый час на чтение газет и обсуждение с тетушкой политики, потом

фортепьяно, рисование, затем запланированные за неделю визиты к соседям, снова чтение. И так до одиннадцати часов, после – молитва и сон. Так нельзя жить! Надо делать что-то полезное! »

Диспенсер во всем соглашался со своей молодой женой. Хотя в душе считал, что именно так и должны жить воспитанные девушки из аристократических семей.

Сначала Эвелин направила свои усилия и деньги Диспенсера на приведение в порядок старой усадьбы. Полуразрушенные башни разобрали окончательно, не обнаружив, к расстройству Эвелин, никаких спрятанных сокровищ. Затем пришел черед внутренних помещений и вскоре комнаты Элтонфорда было не узнать.

А затем Эвелин убедила Диспенсера, что надо построить новую усадьбу. Доходы от сдачи земель в аренду вилланам были высокие, и Диспенсер согласился. Место было выбрано на холме рядом со старой усадьбой. Новое здание должно было снисходительно взирать сверху на «старичка», стоящего по колено в пруду.

Строить было решено из песчаника, карьер по добычи которого находился во владениях лорда. Работа, благодаря энергии Эвелин, закипела. Каждый день из каменоломен везли телеги с камнем. А однажды Эвелин остановила все работы и потащила Диспенсера прямо в каменоломни, в открытый карьер.

– Посмотри, это же отпечаток лапы дракона! – восклицала она.

Пласт старого песчаника, который отпиливали рабочие рухнул и, на одной из отвалившихся плит, был виден след, похожий на след от куриной лапы. Только курица с такой лапой должна была бы быть размером со слона.

– Ты мне про это не рассказывал, – не умолкала Эвелин. – Говори быстро, кто из твоих предков сражался с драконом?

Потом вечером они, наполовину серьезно, наполовину в шутку, попытались предположить кто из предков Диспенсера лучше всего подходил на роль рыцаря, сражающегося с драконом.

Сцена 8

Счастливая жизнь лорда Хью Диспенсера рухнула вместе с болезнью Эвелин. Слишком уж часто она выбегала из теплой старой усадьбы к строящемуся на холме зданию. А легкое платье, пусть и с накинутой на плечи теплой шалью, слабая защита от осенних ветров. Сильный жар и кашель уложили Эвелин сначала в постель, а через неделю мучений – в могилу. Все произошло так стремительно, что у Диспенсера случился апоплексический удар. Врач, еще не успевший уехать из усадьбы после смерти жены хозяина, получил шанс проявить свое мастерство. Он быстро вскрыл вену на руке лорда, и кровь отлила от головы убитого горем мужа.

Смерть отступила от лорда, удовлетворившись его женой. Диспенсер провел в постели почти месяц. Долгое время он ходил, подволакивая правую ногу. Слова выговаривать у него получалось с трудом, что, вкупе с постигшей трагедией, сделало его неразговорчивым. Строительство новой усадьбы приостановилось, а затем и вовсе прекратилось. Работники заколотили досками окна и двери и разъехались кто-куда.

Слишком близко вытянутые к огню камина ноги стали беспокоить своего хозяина. Лорд с кряхтеньем подтянул их к себе и недовольно взглянул на Гэранта. Тот стоял у рабочего стола Диспенсера. В руках у него была пухлая кожаная папка. «Стоит. Ждет. Почему бы им всем не оставить меня в покое? », – подумал Диспенсер.

Гэрانت вернулся из поездки в Лондон, где занимался финансовыми и прочими делами лорда. Посетить портовые склады и компании, совладельцами которых был лорд. Встретиться с управляющим других акционеров, погасить векселя, выпустить новые и даже

выполнить ряд поручений, связанных с родней лорда. Поездка была удачной во многом благодаря его стараниям. И Гэрранту, как и любому другому человеку, хотелось услышать, если не похвалу, то хотя бы слова одобрения от своего хозяина. «А ведь не уйдет», – вздохнул лорд.

– Ну что там?

– Граф Аргайл называет вас финансовым гением, – сказал Гэррант.

– Это тебе сам граф сказал? – Лорд не любил, когда слуги обсуждали своих хозяев за их спиной. Даже если хвалили.

– Нет. Слова графа мне передал его управляющий. А вызваны они были ростом акций страховой компании, которые вы купили в прошлом году.

– Ты купил, Гэррант. Ты купил, – сказал лорд. Ему не нужно было чужой славы и чужих заслуг. В этом мире ему уже мало что было нужно.

– Без вашего одобрения и без вашего решения о размещении рентных доходов в акции, я бы никогда этого не смог сделать, – честно признался Гэррант. «Да, так и было», – подумал Диспенсер. – «Все так и было».

После смерти Эвелин вся эта житейская суета – обеды, визиты, охота, рента, размещение активов – казались ему дикостью. Жизнь неожиданно открылась перед ним совсем с другой стороны. Оказывается, самым ценным было не золото, не власть, а человеческие отношения, которые оказалось так легко разрушить. Которые он так недостаточно ценил, когда они были. И которых ему стало очень сильно не хватать, когда они безвозвратно исчезли. Его все стало раздражать. Как эти люди могли есть, пить вино, чувствовать его вкус, рассуждать о видах на урожай, когда Эвелин лежит там одна, в холодной мраморной гробнице. Никто не смог ей помочь в беде, но все хотят забыть ее поскорей.

Первым делом тогда Диспенсер выгнал из усадьбы всех своих родственников, которые приехали якобы утешать его. А на самом деле все они были расстроены, тем что апоплексический удар не достиг своей цели, и Диспенсер выжил.

Больше всего он провозился со своей родной сестрой Кларой, которая никак не хотела уезжать и, чуть ли не завывая, утверждала, что не оставит его одного без сестринской заботы. Муж Клары, полковник королевской пехоты, слишком легкомысленно относился к приданному своей жены. Другими словами, он просто его потратил. К тому же он не нашел ничего более умного, чем словить шальную пулю в ходе очередного восстания в индийских колониях. Так что из Индии Клара вернулась без мужа, без денег, но с маленькой, писклявой дочкой, которую она зачем-то все время подсовывала под нос Диспенсеру. Пришлось пообещать ей денежную помощь. Это сразу убедило Клару, что ее сестринская помощь брату не нужна, и она покинула усадьбу Элтонфорд, на которую на многие годы опустилась тишина.

Сцена 9

В те дни, избавившись от родственников, Диспенсер еще более просто избавился от всех дел. Он поручил их Гэрранту, сыну старого дворецкого. Сможет он управляться с полями и лесами Элтонфорда или нет, получится у него вести хозяйство и финансы или нет, лорда мало беспокоило. Он поручил, Гэррант согласился, и остальное было не важно. Последним вмешательством Диспенсера в этот мир стала рекомендация свободные деньги, поступающие в виде ренты за землю, вкладывать в торговлю. В молодости, поездив по старой доброй Англии, лорд убедился, что самую большую норму прибыли получают не вилланы, выращивающие зерно и овец, и даже не владельцы земли, на которой растет это зерно и пасутся овцы, а именно торговцы. Причем торговый бизнес, на взгляд лорда, был весьма безопасным. Упадут цены на зерно и мясо. Вилланы разорятся. Землевладельцы потеряют свои доходы. А торговец просто будет торговать другим товаром, получая при этом всю ту же высокую норму прибыли.

Гэрانت творчески подошел к поручению лорда. Он, конечно, не стал открывать лавки и стоять за прилавком. Свободные денежные средства он из года в год вкладывал во все, что было связано с торговлей. Так лорд стал совладельцем складов в портах Кардифа и Бристоля, акционером нескольких страховых и транспортных компаний. И, конечно, Гэрانت не упустил возможности приобрести акции ряда банков. Ведь именно банки были квинтэссенцией торговли и, кредитуя торговцев, фактически наживались на каждой проданной иголке, на каждом проданном зернышке.

По прошествии всех этих лет Гэрانت из молодого человека превратился во вполне солидного мужчину, который обзавелся семьей, а его уже вполне взрослые сыновья всю помогали отцу в работе. Доходы от финансовых вложений давно уже стали превышать рентные платежи графства. И когда несколько лет назад цены на зерно и мясо из-за этих проклятых, бывших американских колоний резко упали, то это почти никак не отразилось на доходах Диспенсера. Вилланы разорялись, землевладельцы неожиданно для них потеряли поступления, к которым привыкли, и стали распродавать оказавшиеся ненужными земли. Кризис обошел стороной Элтонфорд. «Богач, финансовый гений», а иногда и даже «колдун», так шептались о старом лорде его соседи-аристократы. Об этих шепотках Гэрانت иногда рассказывал лорду. «Глупцы! Какие же они все глупцы!» – было единственной эмоцией лорда на слова завистливых соседей.

– Леди де Клер почти закончила сделку по продаже своих земель, – сообщил Гэрانت.

Графство Херефордшир, которое принадлежало семейству де Клер, граничило с землями лорда Диспенсера. Гэрانت думал, что Диспенсеру будет не все равно, кто будут новые хозяева соседних с ними земель. Он ошибался. Лорду было все равно, а его интерес к семейству де Клер был совсем другой.

– Благодарю, Гэрانت. Ты хорошо выполняешь свою работу. – Так Диспенсер дал понять, что он хочет остаться один.

Гэрانت склонил голову и вышел. «Как же это было давно!» – подумал Диспенсер.

Много лет назад он и его Эвелин наносили визиты к своим соседям. Эвелин все было интересно, а Диспенсер с удовольствием ее сопровождал.

Однажды, они приехали в усадьбу Херефорд. Возможно, визит был не очень удачным. Диспенсер и его молодая жена были полны радостных ожиданий от будущей семейной жизни, а леди де Клер только что потеряла своего мужа. Но, возможно, потому что граф Ричард де Клер был преклонного возраста, а Оливия де Клер была еще достаточно молода, то особой грусти и печали в усадьбе Херефорд не чувствовалось.

Леди де Клер оказалась радушной хозяйкой и приветливо принимала гостей. Во время прогулки по парку они увидели мальчишек, запускавших в небольшом ручье маленькие кораблики.

Несколько мальчишек при виде хозяйки бросились наутек. Остался только один, в аккуратном костюмчике. В руках мальчик держал деревянный кораблик с парусом.

– Энтони де Клер, подойдите ко мне! – Голос Оливии стал совсем не радужен и не приветлив.

– Добрый день, милорд. Добрый день, миледи. – Мальчик поклоном головы приветствовал Диспенсера и Эвелин.

– Энтони де Клер, что у вас в руках? – Леди Оливия явно намеревалась начать расследование.

– Это одномачтовый барк. На нем перевозят зерно, – сказал мальчик.

– А на парус вы, наверное, снова пустили свой носовой платок?

Мальчик молча смотрел вниз. Он понимал, что, скорее всего, его барк уже никуда не поплывет.

– Какой интересный корабль, – неожиданно вмешалась Эвелин. – Где ты его взял?
– Я его сам сделал, миледи, – сообщил мальчишка и с надеждой посмотрел на Эвелин.
– А сколько тебе лет? – Эвелин подошла поближе.
– Мне почти восемь лет, миледи.
– Восемь лет, а ты уже сам можешь строить корабли! Какой ты молодец! – И Эвелин погладила мальчишка по голове.

Это было, как благословение. Отныне и во веки веков этот мальчишка стал связан с Эвелин. И тот свет, которым все вокруг освещала Эвелин, осветил для лорда Диспенсера и Энтони де Клера.

Диспенсер кряхтя поднялся из кресла, стоявшего у камина, и пересел за письменный стол. Среди бумаг, лежащих на столе, была вырезка из старой газеты со статьей о событиях гражданской войны в бывших британских североамериканских колониях. Корреспондент, в том числе, рассказывал об английском лорде, Энтони де Клере, который воевал сначала на стороне северян, а потом перешел на сторону южан. Корреспондент возмущался, как такое возможно? Воевать сначала на одной стороне, а потом перейти на другую сторону. В этой же статье приводился ответ де Клера. «Вы заблуждаетесь. Я всегда воевал только на своей стороне». Ответ еще больше возмутил корреспондента.

Диспенсер откинулся на спинку кресла, этого потребовала его больная поясница. "Именно так, " – подумал он. – "Именно так. Настоящий, благородный рыцарь всегда воюет только на своей стороне, которая называется честь и достоинство".

Он потянулся, взял стоящий на столе колокольчик и позвонил. На зов откликнулся Гэррант.

– Пошли за нотариусом, – сказал Диспенсер. – Я хочу внести изменения в завещание.

П.С. Это первые сцены романа «На 127-й странице». Всего их 94. Остальные буду выкладывать, если кто-то заинтересуется)